
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

В.А. Борисенко*кандидат филологических наук**Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**v-bor@yandex.ru***ПРОБЛЕМА ДИСКУРСИВНОГО ГОЛОСА РЕСПОНДЕНТА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ****[*Viktoria A. Borisenko* Problem of the respondent's discursive voice
in the political interview]**

In the respondent's reactive replicas of the political interview the information reliability degree introduced with the personal pronoun and the mental activity predicates is systematically correlated with such concept as the discursive voice of the respondent or another subject of speech. The specified predicate combination produces a high degree of information reliability if the reactive replica represents explicitly the politician's discursive voice. In this case, the reacting politician fully relies on his / her personal knowledge about the situation under discussion, appears to be the source of information relevant to the target audience. The information reliability degree is reduced if the reactive replica indirectly represents the politician's discursive voice. In this case, the reacting politician quotes some statistics which are a source of the information covered. Predicative combination of «pronoun of the 1st p. singular + verb of mental activity» introduces the low degree of the information reliable character if the reacting replica manifests the discursive voice of another subject on whose opinion the interviewee relies in the current situation. In such circumstances, the politician turns to another source of information, described in our publication in the dual way – as a clear or non-integrated one.

Key words: political interview, respondent's reactive replica, personal pronoun, mental activity verbs, discursive voice, the category of evidentiality, hedging.

Актуализация местоимения 1-го лица ед. ч. в реагирующих репликах интервью детерминируется желанием респондента воспроизвести свой образ как «хорошего политика». Это положение дел наблюдается как в случае, когда текущее внимание сосредоточивается на политике как автономном индивиде, так и тогда, когда в интервью отсутствует подобный фокус. Образ политика репрезентируется, прежде всего, для аудитории, с которой респондент – через стимулирующие реплики интервьюера – стремится установить фактический контакт.

С опорой на глаголы ментальной деятельности и говорения респондент политического интервью реализует коммуникативный акт суждения от первого лица, в котором содержится актуальное знание об осуждаемой ситуации. В теории речевых актов данная разновидность глаголов формирует подгруппу предикатов, которые задействуются для выражения ассертивных или локутивных действий, поскольку манифестация знания осуществляется преимущественно в форме утверждений. В эту подгруппу мы относим глаголы: *think, argue, claim, suggest, propose, assume, believe, maintain*.

Указанные глаголы, рассматриваются как центральные элементы выражения категории эвиденциальности, которая явно или косвенно отражает источник информации, используемый говорящим субъектом для представления суждения. В текущей лингвистической литературе эвиденциальность понимается как в узком, так и широком смысле [3]. При широком понимании эта категория отражает эпистемическое отношение говорящего субъекта к сказанному, несет ли он ответственность за освещаемую информацию, является ли эта информация достоверной. В суждении содержится информация об источнике актуального знания, т.е. как это знание было получено. При узком подходе эвиденциальность трактуется исключительно как отражение источника информации, оценочное измерение выводится за ее границы.

Анализируемые нами глаголы можно рассматривать как средства лексического хеджирования, т.е. выражения эпистемической модальности, которая является отражением когнитивной потребности говорящего субъекта в конструировании мира с точки зрения того, что действительно происходит в данной ситуации, что может произойти или могло бы произойти в другой ситуации. Эпистемическая модальность фиксирует, считает ли говорящий субъект выражаемую пропозицию истинной. Уверенность адресанта в том, что его суждение предстает истинным, предполагает разную степень выражения его дискурсивного голоса в этом суждении. В контекстах политического интервью респондент проявляет разную степень своего дискурсивного голоса. Сравним:

(1) **I:** *Can you explain the economic links between Scotland and the EU?*

R: *In short, they are substantial. I think the threat facing Scotland now and, indeed, the rest of the UK, is being made all the worse because of utter confusion within the Conservative Government over what Brexit will entail* [9];

(2) **I:** *How would you describe UK politics at this period in time?*

R: *This is the most turbulent time in UK politics in living memory. Thus while it is reasonable to assume that the Westminster village did not see Brexit coming, and now politicians and journalists, alike, are struggling to get their heads round the consequences, it is possible that the origins of the current instability can arguably be traced back a decade or more*” [10].

В (1) – вследствие актуализации местоимения 1-го лица ед.ч. – присутствие респондента проявляется в большей степени, чем во (2). У адресата не вызывает сомнений то, кто является автором суждения, чей голос озвучивается в этом суждении относительно содержания актуальных знаний. Во (2) контекст выявляет тот факт, что респондент делает предположение, допущение. Образ респондента прослеживается только в квалификационных выражениях, участвующих в оформлении суждения (*reasonable, arguably*), и – неявно – в безличной коммуникативной стратегии, избранной для инициации суждения в реагирующей реплике (*...it is reasonable to assume...*). Я политика манифестируется в обоих суждениях, однако, в (1) эта манифестация предстает в наибольшей степени, поскольку суждение явно выражается от первого лица.

Сравним с фрагментами интервью, в которых респондент обнаруживает актуальное знание от лица иных субъектов:

(3) **I:** *How do the four party leaders use their respective conferences to appeal to the public?*

R: *David Cameron uses his conference to extensively appeal to the public, which he is extremely good at doing – after all, his roots in public relations come into full bloom when he is at a Tory Conference. He argues that we have to bury the worst of the past, apologise for the Iraq war, and come to terms with the Blair legacy, and move on*” [4];

(4) **I:** *What could be the Achilles’ heel for both the parties and their leaders?*

R: *... It was subsequently proposed that the reason why politicians have a love-hate relationship with the campaign trail is the sheer unpredictability of it (which is also why journalists love it!)*” [7].

Во фрагменте политического интервью (3) в качестве грамматического субъекта выступает определенный «Другой», высказывание также содержит элементы прямого цитирования, т.е. мнение «Другого» транспониру-

ется в суждение респондента, который, в свою очередь, отходит в этом суждении на второй план. Иначе обстоит дело во фрагменте (4). В данном случае знание обсуждаемой ситуации приписывается некоему «Другому», однако, источник информации представляется респондентом как неопределенный, что подчеркивается безличной конструкцией. Вследствие того, что субъекту приводимого высказывания не отводится роль подлежащего, интервьюеру и аудитории трудно определить, кто в действительности является носителем актуального знания, которое обнаружится респондентом. Во фрагменте (4) непоследовательно разграничиваются «Я» и «Другой», а поэтому адресат сталкивается с трудностями в определении того, чей дискурсивный голос озвучивается в суждении.

Исследователи указывают на тот факт, что за каждым высказыванием в тексте обнаруживается локутор, несущий ответственность за это высказывание и соответствующий автору текста [1; 2]. В данном суждении, как представляется, подчеркивается связь между такими явлениями, как дискурсивный голос и ответственность говорящего субъекта за достоверность информации, отражаемой в высказывании. При этом подобная ответственность оказывается для субъекта проблематичной, когда высказывания приписываются иному лицу. Обнародование иного источника информации, как считают М. Бонди и М. Сильвер, предполагает возложение ответственности за достоверность высказывания на другого субъекта [6].

Мы не вполне согласны с данным допущением, считаем, что в рамках политического интервью указание на иной источник информации не всегда подразумевает то, что респондент снимает с себя ответственность за обнародованное суждение, а инициация суждения от 1-го лица ед.ч. – возложение этой обязанности на респондента. В нашем исследовании мы признаем, что респондент, реализуя то или иное суждение относительно обсуждаемой проблематики, манифестирует различную степень ответственности за его достоверность, в зависимости от того, каким образом это суждение (и его содержание) обнаружится респондентом. В отдельно взятом реагирующем высказывании голос «Я» или «Другого» может быть репрезентирован в разной степени своей выраженности, респондент проявляет разную степень ответственности за достоверность этого высказывания, в зависимости от того, чей дискурсивный голос озвучивается и в какой степени он манифестируется.

Сам респондент задействует понятие ответственности за инициируемое суждение в стратегических коммуникативных целях, варьируя степень возлагаемой на себя ответственности с опорой на модуляции дискурсивного голоса, представляемого в этом суждении.

Воспринимая реактивные суждения, интервьюер и аудитория «слышит» голос респондента, приписывает ему содержание знания, которое обнаружится в реагирующей реплике. Если суждение манифестируется респондентом, то вне зависимости от источника актуальной информации сам респондент призван нести ответственность за содержание актуализуемого знания, считать себя единственным доступным источником этого содержания. В этой связи закономерным предстает тот факт, что, если адресат, воспринимая реагирующее суждение, «слышит» не голос респондента, то ответственность за достоверность этого суждения оказывается намного ниже, чем когда актуальное знание обнаружится от 1-го лица ед.ч.

Взаимоотношения между дискурсивными голосами, представленными в реагирующем суждении, и ответственностью респондента за достоверность этого суждения могут быть описаны через следующие закономерности:

1. Когда уровень выраженности «Я» в суждении высокий, респондент манифестирует высокий уровень ответственности за достоверность этого суждения.
2. Когда «Я» выражается в суждении в меньшей степени, респондент соответственно возлагает на себя меньшую ответственность за достоверность этого суждения.
3. Когда в суждении явно озвучивается голос «Другого», ответственность респондента за достоверность высказанного минимальная.
4. Когда в суждении неявно озвучивается голос «Другого», ответственность респондента за достоверность информации средняя, но приближается к минимуму.

В целях иллюстрирования различной степени выражения «Я» и «Другого» в реагирующих репликах респондента политического интервью проанализируем следующие примеры. Начнем с реактивных суждений, в которых, как мы можем утверждать, респондент явно манифестирует свое «Я». Сравним:

(5) “**R:** *People now don’t understand what Jeremy Corbyn is as an individual. I instead suggest that he’s grown in the job as well. People need to be absolutely clear about where we’re taking the country*” [8].

Респондент представляет свое суждение от 1-го лица ед.ч. Данное местоимение занимает в высказывании позицию темы. Другими словами, «Я» респондента выдвинуто в суждении в сильную начальную позицию, что обуславливает высокую степень ориентации реагирующего высказывания на «Я» респондента. Введение в высказывание метадикурсивного элемента *instead* усиливает перволичностный характер выдвигаемого суждения, поскольку вводит, своего рода, контраст между мнением респондента и позицией, которую занимают представители социума. Сравним с фрагментом (6), в котором «Я» респондента манифестируется в меньшей степени:

(6) “**R:** *... These figures suggest that the little difference between the Conservatives and Labour has been repeated so often it has become a truism (and UKIP are certainly trying to paint the mainstream parties as “all the same”)*”.

В данном реактивном суждении отсутствует явное упоминание о субъекте речи. Позицию темы высказывания занимает неодушевленный предмет, который соответствует одной из посылок в последовательности умозаключения. Вместе с тем, это высказывание может быть интерпретировано адресатом единственно с учетом того, что именно респондент делает умозаключение. Хотя «Я» реагирующего субъекта оказывается на втором плане, само высказывание все же манифестирует голос респондента, но – по сравнению с фрагментом (5) – в меньшей степени, поскольку образ респондента проявляется в нем в меньшей степени, неявно. Ср. с последующей репликой этого же самого респондента, обсуждающего роль статистических данных в формировании имиджа разных политических партий:

(7) “**R:** *... In other instances they suggest that the gap between the two main parties might be widening – particularly if you compare it to the similarities between the Tories and Labour during the Blair years*” [5].

Грамматическим субъектом суждения (утверждения некоторого знания) выступает неодушевленный предмет (*they* указывает в референтном плане на статистические данные, о которых говорится во фрагменте (6)). Однако в данном случае в реплике респондента содержится также дополнительное средство хеджирования – глагол *might*, указывающий на вероятностный характер

выдвигаемого суждения и воспринимаемый адресатом как непосредственное отражение «Я» респондента, т.е. говорящий субъект квалифицирует высказывание в эпистемическом плане. Кроме того, выражение *in other instances*, вводящее суждение политика, отражает фоновые предпосылки утверждаемого, указывает на мнения других субъектов, которые были предварительно выражены. Данное выражение, в свою очередь, неявно сигнализирует присутствии «Я» говорящего субъекта в суждении.

При анализе фрагментов (6) и (7) логически возникают вопросы: можно ли говорить о том, что в (7) «Я» респондента манифестируется в большей степени, чем в (6)?, оказывают ли дополнительные средства манифестации «Я» говорящего субъекта на представление его дискурсивного голоса в утверждении некоторого знания? Мы даем отрицательный ответ на данные вопросы.

Рассмотрим еще один фрагмент политического интервью:

(8) “**R:** *As the National Investment Bank suggested to me, the first step in reassuring foreign investors of a future in Britain has to be ensuring access to the Single Market. If hard Brexiteers get their wish, and the UK Government fails to secure a deal over access to the Single Market, it will potentially have a significant impact on the levels of foreign investment*” [11].

Объектный падеж местоимения 1-го лица ед.ч. (*me*) в реактивной реплике является явной референцией на «Я» респондента, но в отличие от (5) это местоимение не выполняет функцию темы высказывания, грамматическим субъектом суждения. Фактически, личное местоимение оказывается единственным маркером отражения личности политика в суждении. Фрагмент (8) иллюстрирует тот факт, что упоминание о говорящем субъекте, само по себе, является недостаточным для того, чтобы суждение оформлялось с высокой степенью манифестации «Я» этого субъекта (как это имеет место во фрагменте (5)).

Прагматическое различие между фрагментами (5) и (8) заключается в способе фиксации «Я» респондента на уровне реализуемого суждения. Суждение в (8) оказывается более ориентированным на манифестацию «Другого», чем в (5), поскольку в нем источником актуальной информации предстает иной субъект, хотя этот источник и приписывается «Я» респондента. Рассмотрим следующий фрагмент интервью, в котором респондент задействует параметры, релевантные для «Я» манифестации, для представления мнения «Другого»:

(9) *“R: Nicola Sturgeon remains one of the most formidable politicians around today. She claims that Mrs May beat a path straight to the Scottish Minister’s door spoke volumes about the new Prime Minister’s anxieties post-Brexit”* [10].

Во фрагменте (9), как и в (8), респондент интегрирует в свое суждение информацию, источником которой является «Другой». Субъект, которому приписывается информация, занимает в высказывании максимально сильную позицию темы. Поскольку отсутствуют свидетельства присутствия «Я» респондента в суждении, данный случай можно рассматривать как суждение с высокой степенью манифестации мнения «Другого».

Сравним с фрагментом (10), в котором «Другой» как источник актуальной информации не интегрируется в реактивное суждение. Это суждение, в свою очередь, приобретает форму безличной синтаксической конструкции. Как и (9), данный фрагмент манифестирует точку зрения «Другого», но в меньшей степени, поскольку цитирование этой точки зрения не интегрировано в суждение, а сам «другой» источник информации размещается вне утверждаемого знания.

(10) *“R: ... That conference season was like no other. It was proposed that we are in the midst of a political firestorm in which the disconnect between Westminster and the electorate had never been more clearly set out”* [7].

В реактивном суждении объективируется неопределенный («деперсонализированный») источник информации. Актуальное знание приписывается совокупному мнению участников прошедшей конференции. Сам респондент не берет на себя ответственность за высказанное «проблемное» суждение, не проявляет присутствия своего дискурсивного голоса.

Анализ фрагментов (5–10) выявил прагматическую важность, по крайней мере, трех аспектов оформления суждений респондента в политическом интервью – метадискурсивные характеристики суждения, избираемая практика представления мнений «Других» и выдвижение «Я» респондента в позицию темы высказывания. Эти аспекты проливают свет на разную степень манифестации дискурсивного голоса «Я» и «Другого» в рамках выражаемых суждений. Вместе с тем, как показал наш анализ, суждения респондента одновременно могут манифестировать голоса «Я» и «Другого». Сравним, например, фрагмент (8), в котором содержится прямая референция на «Я» говорящего субъекта и представлен «Другой» как источник актуальной информации. По-

чему данное суждение мы все же классифицируем как репрезентацию голоса «Другого»? Кто, в действительности, является источником информации во фрагменте (10)? Для ответа на эти вопросы мы призваны детализировать нашу интерпретацию такого понятия, как дискурсивный голос.

Мы полагаем, что степень выражения дискурсивного голоса «Я» и «Другого» в рамках реагирующих суждений политика должна интерпретироваться с опорой на определенный набор принципов. Эти принципы, в свою очередь, проявляют чувствительность к тому, какую информацию респондент считает актуальной, определяя степень манифестации своего голоса в выражаемом при этом суждении. Представляется, что можно говорить о том, что данные принципы лежат в основании модели соотношения таких понятий, как дискурсивный голос и ответственность говорящего субъекта за достоверность выдвигаемого суждения.

Моделирование реактивного суждения политика в терминах манифестации субъекта, являющегося источником актуальной информации («Я» или «Другой»), рассматривается нами в качестве важнейшего прагматического принципа, поскольку он определяет присутствие / отсутствие голоса говорящего субъекта в выражаемом суждении. Если голос респондента («Я») или голос какого-либо иного субъекта («Другого») выдвигается в сильную позицию или, наоборот, отодвигается на «задний план», то это оказывает влияние на представление источника актуальной информации. Вторым по значимости оказывается принцип манифестации «Другого» как источника информации (при недословном интегрированном / неинтегрированном цитировании мнения «Другого»). Метадискурсивный аспект суждения респондента (хеджирование, использование маркеров эвиденциальности занимает в нашем исследовании третью позицию.

Очевидно, что когда «Я» респондента или «Другой» выполняют в реагирующем суждении функцию грамматического субъекта, тематического компонента (сравним фрагменты (5) и (9), манифестация дискурсивного голоса в суждении является наиболее последовательной. Эта манифестация является менее последовательной, когда утверждаемое знание оформляется в виде безличной синтаксической конструкции (сравним фрагмент (6) или когда идентификация дискурсивного голоса требует более широкого коммуникативного контекста (сравним фрагмент (10)). В последних случаях сужде-

ния в меньшей степени ориентируются респондентом на манифестацию конкретного дискурсивного голоса. Если голос «Другого» как источника актуальной информации интегрировано задействуется респондентом (сравним фрагмент (9), то реактивное суждение проявляет высокую степень манифестации голоса «Другого». Если подобный источник информации оказывается неинтегрированным (сравним фрагмент (10), то суждение политика характеризуется низкой степенью манифестации голоса «Другого». Наконец, метадискурсивные характеристики реактивного суждения политика (сравним фрагменты (7–8) предопределяют высокую степень манифестации дискурсивного голоса «Я» респондента.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Азарова О.А.* Коммуникативные стратегии и тактики респондента и языковые средства их реализации в англоязычном неформальном интервью // Дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
2. *Гаранян О.А.* Коммуникативные стратегии как прагматический способ вовлечения адресата в неформальное интервью // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2.
3. *Постева Е.В.* Дискурсивная специфика глаголов в репрезентативной функции в газетном репортаже // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2.
4. An economy for all // <https://www.politicsfirst.org.uk/2017/an-economy-for-all/> (дата обращения: 19.10.2017).
5. An election like no other // <https://www.politicsfirst.org.uk/2015/an-election-like-no-other/> (дата обращения: 19.10.2017).
6. *Bondi M., Silver M.* Textual voices: a cross-disciplinary study of attribution in academic discourse // Evaluation in spoken and written academic discourse. Roma: Officina, 2004.
7. Liberal through and through // <https://www.politicsfirst.org.uk/2016/liberal-through-and-through/> (дата обращения: 19.10.2017).
8. Polishing up the European Union // <https://www.politicsfirst.org.uk/2015/polishing-up-the-european-union/> (дата обращения: 19.10.2017).

9. Protecting Scotland from Westminster's indifference // <https://www.politics-first.org.uk/2017/protecting-scotland-from-westminsters-indifference/> (дата обращения: 19.10.2017).
10. Reading the current state of British politics // <https://www.politics-first.org.uk/2016/reading-the-current-state-of-british-politics/> (дата обращения: 19.10.2017).
11. Ready to aid the needy // <https://www.politicsfirst.org.uk/2014/ready-to-aid-the-needy/> (дата обращения: 19.10.2017).

R E F E R E N C E S

1. *Azarova O.A.* Communicative strategies and tactics of the respondent and the language tools for their implementation in the English-language informal interview. Thesis. Rostov-on-Don, 2013.
2. *Garanjan O.A.* Communicative strategies as a pragmatic way of involving of the addressee in an informal interview // Humanities and Social Sciences. 2012. No 2.
3. *Postevaya E.V.* Discursive specificity of verbs in a representative function in a reportage report // Humanities and Social Sciences. 2013. No 2.
4. An economy for all // <https://www.politicsfirst.org.uk/2017/an-economy-for-all/> (дата обращения: 19.10.2017).
5. An election like no other // <https://www.politicsfirst.org.uk/2015/an-election-like-no-other/> (дата обращения: 19.10.2017).
6. *Bondi M., Silver M.* Textual voices: a cross-disciplinary study of attribution in academic discourse // Evaluation in spoken and written academic discourse. Roma: Officina, 2004.
7. Liberal through and through // <https://www.politicsfirst.org.uk/2016/liberal-through-and-through/> (дата обращения: 19.10.2017).
8. Polishing up the European Union // <https://www.politicsfirst.org.uk/2015/polishing-up-the-european-union/> (дата обращения: 19.10.2017).
9. Protecting Scotland from Westminster's indifference // <https://www.politics-first.org.uk/2017/protecting-scotland-from-westminsters-indifference/> (дата обращения: 19.10.2017).

10. Reading the current state of British politics // <https://www.politics-first.org.uk/2016/reading-the-current-state-of-british-politics/> (дата обращения: 19.10.2017).
11. Ready to aid the needy // <https://www.politicsfirst.org.uk/2014/ready-to-aid-the-needy/> (дата обращения: 19.10.2017).

12 ноября 2017 г.
